

ФРИЛАНСЕР

**избранные себе
не принадлежат**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

V.T.

18+

В. Т. Фрилансер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55513990

SelfPub; 2020

Аннотация

Он – Гоша, но все его зовут Джонни. Он фотограф. У него почти нет друзей. А ему никто и не нужен. Глянцевый журнал заказывает Джонни фоторепортаж "Лица мегаполиса". Работая над репортажем, Джонни понимает, что у него открылся необычный дар: снимая лица людей, он запечатлевает их души. Джонни влюбляется в Лизу, одну из своих моделей. Лиза знает, каким делом они с Джонни займутся. Фотограф – это не профессия. Но избранные себе не принадлежат. Пока ты выполняешь миссию, ты защищен. Тебе не страшно, Джонни?

Содержит нецензурную брань.

Щелчок фотоаппарата, как удар мышеловки.
Полуулыбка в ловушке флэш-карты.
Мышь, позвоночник, перебит.
Попытка изобразить Джоконду. В капкане.
Зверек дернулся и затих.

– Отлично!

Джонни стоит у фотоаппарата и, кажется, улыбается. Лампы слепят глаза. Ярославна прикрывает глаза рукой. И всё?

Часть 1

Студия маленькая, но не жарко. Вообще-то, он Гера. Но для всех – Джонни. Джонни ему подходит больше Геры. Друзья прозвали, в школе ещё. Самому нравится. Он так и представляется:

– Джонни.

Водителю такси или учителю физики зваться «Джонни» нелепо. Но, Джонни-фотограф очень даже лепо. Тем более, фотограф глянцевого журнала. Правда, Джонни публикуется не только в глянце. Где платят, там и публикуется. Джонни – фрилансер, свободный художник, вольный стрелок. С Джонни общаться легко. Задания выполняет быстро, дарит редакторшам ерунду всякую. Джонни любят. Ему всего тридцатник.

Бывают совсем неинтересные заказы. Интересные, как этот, редкость: неглянцевый мегаполис, лица города. Юные и отжившие своё веером времени на журнальный разворот.

Джонни нравится бродить по городу. К концу дня флэшка под завязку. Личный фотобанк всегда в помощь. Джонни уверен, он наберет «Лица мегаполиса» в своём архиве. Лица набираются, но в единый репортаж не выстраиваются. Простецкое, на первый взгляд задание оказывается не таким уж и простецким.

Чем проще задача, тем более точного решения требует.

***

Мегаполис как пресс, как туча, огромная, тяжелая. Опускаясь на город, она давит под собой всё. Разнородный металл спрессовывается в единую железную массу. Мегаполис уничтожает индивидуальность. Лица, самобытные с рождения, старятся по общему лекалу, морщины незнакомых между собой людей разлетаются по единому вектору. Джонни встал из-за компьютера и подошёл к окну.

Чудовище не так уж и чудовищно, когда на него светит солнце.

Крыши старого города в прошлогодних красках, заржавленных зимой, но ещё разных и радостных. А ведь они, крыши, замешаны во множестве преступлений. Покрывая убийц, грабителей, насильников, они давно превратились в

соучастников злодеяний, за которые никогда не понесут от-
вета. Если их и лишают жизни, то за другое, за прогнив-
шие перекрытия, провалившийся фундамент, разъехавшие-
ся стены. Но, это для периферийных строений.

Каменный генофонд исторического центра избежал рас-
платы, будто рыцарскими доспехами, прикрывшись мемо-
риальными досками. Он защищен привилегиями туристиче-
ского квартала, из которого ещё никому не удалось ускольз-
нуть.

Джонни с фотоаппаратом отличается от туристов безза-
ботной походкой в будни. Он сканирует жизнь взглядом и
фиксирует фотиком. Туристы щёлкают всё подряд. И теплее
одеты.

Он идет прямо, всматривается в лица, но его прямая кри-
ва: навстречу одни гримасы. Концепция не выстраивается.
Заказал кофе, набрал номер.

– Кэрол!

***

У Джонни музыкальный слух и тонкая организация.
«Кэрол» – фальшь. Но, Люся на Люсю не отзывается. Или
молчит или звонок сбрасывает.

– Ненавижу! Не имя, а половой орган.

– Но, почему Кэрол, не Ада или Рая.

– Ты – Джонни, почему мне не быть Кэрол?

– Цирк уродов.

– Значит, Джонни – ок, а Кэрол – цирк уродов. Где логика, Джонни?

Кэрол пишет статьи в журналы разной тематики.

Читательницам изданий о женской красоте дает советы, как стать красивой. В медицинских журналах делится секретами женского здоровья. Любительницам активного образа жизни рекомендует фитнес-комплексы. Диетичек учит диетам. Кэрол даже в автомобильных журналах печатается под псевдонимом Борис Вакуленко.

Как правило, человек имеет одну работу, но свободного времени у него нет. С Кэрол всё наоборот. Статьи она строит, от компа не отрываясь, но при этом всегда свободна и примчится по первому звонку. Она снимает квартиру в центре, пятнадцать минут – и материализация. Вот уж, кого не приходится ждать никогда. Может показаться, что Кэрол вообще не работает. Кэрол считает Джонни своим лучшим другом. И, почти собственностью.

– Кэрол. Помоги!

***

Джонни любит утреннюю прохладу этого полутемного кафе и яркое летнее солнце за его окнами. Там спешат. Здесь полумрак и полусонный бармен.

– Привет, Джонни, – улыбается бармен.

Его зовут Денис. Учится на юриста, заочно. Сегодня Денис напоминает раненого марала, заторможен и прихрамы-

вает. Из-под мятого лица выглядывает побитый взгляд. Денис принес кофе и подсел к Джонни.

– Спал два часа потому что, – поясняет Денис.

– Я бы на твоём месте сутками спал. Спал и трахался, – Денис знает, что рабочее время Джонни равняется свободному.

– Планы на вечер?

***

Кэрол ворвалась в кафе в ритме утреннего города, заполнив развешанные на стенах зеркала всеми своими проекциями. От быстроты движения, полы её платья разлетелись, а волосы оголили уши. Стаей стервятников Кэрол слетелась с зеркальных стен за столик Джонни, согнав раненого марала.

– Дэн, американо. Приветик, Джонни!

Свою идею Джонни формулирует так: каждый человек пусть раз в жизни, но обязательно пережил потрясение. Хотя бы раз в жизни, каждый оказывался на грани смерти и выживал чудом. В каждом затаилась тоска, ведь любой человек есть кладбище нереализованных идей, остров погибших затей, сонм неопыленных страстей. И страх! Страх как вирус, активизируется ночными кошмарами, а с первыми петухами впадает в дрему.

Американо.

Нет человека, которому бы не хотелось скинуть тени прошлого, вдруг оживающие и следующие за тобой след в след.

Выход есть, боль проговорить вслух. Но, где найти того, кто правильно выслушает тебя и излечит.

Кэрол отпивает кофе с неподдельным вниманием.

В момент откровенности, рассказывая об унижениях, которые испытал, о страданиях, которые пережил, человек перестаёт следить за лицом и снимает с раненой Души железную маску.

– Ага! А рядом Джонни, целится фотиком в раненую Душу.

– Моя задача слиться с фоном и поймать лицо.

– Думаешь, кто-то захочет излить фону Душу?

– Да.

– Кто?

– Ты.

Ах, вот оно что...

Были ли в её жизни моменты, которые хотелось забыть? Наоборот. Есть то, о чем она не хочет забывать, и чем никогда не делилась с Джонни. Ждала случая. Случай представляется.

– Я должна подумать.

– На размышления ночь.

– Как перед казнью.

Джонни расплатился. Стая стервятников взмахнула кры-

льями.

Солнце повторяет свойство белого. Белое полнит. В полутьме кафе Джонни показалось, что в войне с лишним весом Кэрол заняла-таки периферийный укрепрайон. Уличный свет разоблачил. Кэрол сдала очередной укрепрайон.

– Разжирела, да?

– Есть немного.

– А ты хорошо выглядишь. Зайдешь ко мне.

– Нет.

Кэрол веселая и все время смеётся. Даже сейчас.

***

Похожее ощущение он испытал однажды, когда делал репортаж с крыши небоскреба. Сразу, как только охранник подвёл к бортику – страх, и вдруг – свобода! Ощущение власти над пространством – небом, воздухом, землёй. Джонни шагнул вперед взглянуть вниз. Охранник перехватил руку.

– Осторожно! Утягивает.

И вот опять. Джонни утягивает. Подкатывает к горлу, как тогда, на крыше. Затягивает в омут, манит в водоворот. Джонни бьет дрожь. Начинается! Азарт, спор, драйв! Он идет прямо, он не замечает дороги, он не замечает вокруг ничего, он улыбался, он почти летит.

Зацепить чужую Душу! Крутая тема.

Какие лица, какого мегаполиса...

Души! Души мегаполиса!

Своим фоторепортажем он положит на лопатки весь мир. Джонни заставит мир смотреть себе в глаза. Глаза в глаза. Когда завело, выстреливают крылья, тело теряет вес. Невесомость. Жажда утоляется вздохом, судорожно хватая эликсир бессмертия, губы мешают пить, и ты не можешь напиться.

***

Если в холодильнике пусто, руки тянутся к нему сами. От последнего гонорара осталось тысячи две с мелочью. Вообще-то, ему неплохо платят. Но, деньги у Джонни не живут.

В доме Джонни ничего долго не живёт. Кошки, например. Однажды ему подарили котенка. Джонни ухаживал за ним по всем правилам кошачьей науки. Котёнок же дотерпел до половой зрелости и сбежал, паршивец. А казалось, он так любит Джонни. Вот и деньги также.

Когда их остается мало, Джонни переходит на режим энергосбережения: бутерброды, макароны, курица «эконом». Магазин в соседнем доме в помощь.

Зашёл, пересчитал наличные.

***

– Тысячу по пятьсот не разобьете?

Снизу-вверх на Джонни смотрит старушка. Он узнал её по хорошо прибранной голове и кружевному воротничку. Джонни видит старушку во дворе или в магазине иногда. Наверное, живёт рядом.

Джонни представил деньги:

– Увы.

Кефира и свежего хлеба. Ну, и курицу про запас. И печенье для Кэрл. Расплатившись, Джонни вышел на улицу.

Вышел и остановился, достал из пакета батон, отломил горбушку. Скользнул взглядом по витрине, а там его отражение в полный рост. Спросить? Ну, смелее! «Что ждет тебя, Джонни. Удача, вверх или крах, вниз?», – спрашивает он у отражения мысленно.

Он и продюсером на телевидении работал и пиарщиком. Зависимые и тупые занятия. Фотограф – дело свободное и увлекательное. Джонни решил стать фотографом, когда отец подарил ему фотоаппарат, в детстве ещё. А уж если случится чудо и удастся открыть собственную студию! Студию в собственном помещении. Независимость от аренды и заказов. Когда не думаешь про деньги, деньги, деньги, то деньги, деньги, деньги сами к тебе лезут. От обиды, что про них забыли, наверное. Студия, это фотосессии, съёмки рекламы, интернет-трансляции. Студию можно сдавать в аренду. И Джонни произносит заклинание:

– Все у тебя получится, Джонни. И очень скоро!

Улыбнулся отражению. Отражение улыбнулось в ответ.

А с противоположной стороны витрины, из магазина, на Джонни смотрит пожилая женщина с хорошо прибранной

головой и кружевным воротничком. Она уверена, Джонни её не видит.

Джонни подмигнул отражению.

Старушка отскочила и стала нервно рыться в хозяйственной сумке.

***

По Кэрол можно сверять часы, кукушка, а не человек. Настоящая кукушка, с боем. Она врывается в квартиру, будто распахивает дверцы домика и начинается «ку-ку-ку-ку-ку»:

– Зефир к чаю, сдала две статьи, голову помыла, а зря.

– Зря?

– Вчера мыла, каждый день вредно.

– Где вычитала.

– В «Женской красоте». В своей статье. Ты меня не читаешь?

– Не-а.

– А я, открывая журналы, всегда ищу твои фотки.

Кэрол вытягивает из сумки три шёлковых платка и пару браслетов:

– Драпировка. На голову, на шею и на пояс.

– Мне нужно лицо.

– Зря тащила?

***

Крохотная фотостудия у Джонни все-таки есть. Стена ниши, куда в однокомнатных квартирах ставят кровать, затянута зелёной тканью, слева и справа стоят осветительные приборы. Минимализм из ИКЕИ, да яркие обложки журналов, разбросанные везде: на диване, где Джонни спит, на подоконнике и кухонном столе. Беспорядок блестит глянцем. Кэрол включила чайник. Чайник зашипел.

Кэрол накинула платок, натянула браслеты.

Она движется в ритм шипению, подбрасывает платок, трепещет браслетами и протряхивает бёдрами. Джонни смеётся, смеётся и Кэрол, но чайник вскипел, отключился. Кэрол поклонилась.

Высокий барный стул скрипнул под её натиском. Осветительные приборы рисуют лицо мягко, не слепя глаз. С прямой спиной, Кэрол похожа на любопытного тюленя, выглядывающего из-под воды в поисках событий. С чего начать...

– Тебя когда-нибудь били?

– Да.

– Кто?

– Ты.

– В своем уме?

– Морально.

– Кэрол. Я серьёзно.

– Хочешь знать, что не дает мне покоя?

– Конечно.

– Тогда сливайся с фоном.

От первой съемки зависит всё.

Как начнёшь, так и покатит. Как выстрелишь, так и полетит. Джонни боится, что Кэрол отнесётся к его идее несерьёзно.

Итак. Джонни готов. Кэрол тоже.

– Мне только-только исполнилось шестнадцать. Впереди выпускные экзамены. Как-то поздно вечером, возвращаясь после дополнительных занятий по английскому, я решила сократить путь и пройти сквозь заброшенную стройку. Мы с подружками с детства играли здесь в салки, скалки, прятки, я знала каждый метр, повороты и переходы, тайные ходы и дыры в заборе.

В тот раз ничего не предвещало беды. Я шла уверенно, не обращая внимания на облупленные стены, отмеченные чёрными нишами окон сверху и провалами фундамента внизу, обходила кучи мусора и битого кирпича, размахивала портфелем, напевая песенку про «Голубой вагон».

Он вырос буквально из-под земли, преградив узкий проход между осыпающейся стеной и грязным забором. Первое, что бросилось в глаза – эта картина и сейчас стоит предо мной – его упрямые волосы в ореоле заходящего солнца. И полуулыбка на молодом безупречном лице. Он крепко сжал мою руку. Я дернулась, но силы неравны. Я отпрянула, вжа-

лась в забор, дрожь, тело покрылось липким потом. Свободной рукой он взял мой подбородок, приподнял, подтянул к себе.

Никогда не забуду пронзительный взгляд его чистых, холодных глаз, они втягивали, всасывали... Я уже не видела его лица, только эти невероятные стальные глаза... Меня словно парализовало, дыхание остановилось... И... я проснулась. Сердце стучало бешено. Пыталась заснуть, ну куда там. С тех пор, укладываясь спать, я мечтала о новой встрече с ним.

И, о чудо! Он стал иногда приходиться ко мне во сне. Я вновь и вновь шагала через стройку, напевая «Голубой вагон». Он вновь вырастал из-под земли и вновь преграждал дорогу. Если он появлялся раньше, я бежала навстречу...

Джонни обошел стул:

– Не оборачивайся, сиди, как сидела, продолжай.

Сделав несколько кадров, Джонни вновь обошел стул.

– ... Мы не разговаривали никогда, я хотела заговорить, но всякий раз, увидев его, лишалась речи, а затем вновь просыпалась вспотевшей. Так у меня появился странный, потусторонний друг...

Окончила школу, поступила на журфак. Студенческие компании, увлечения, лёгкие и тяжелые, а перед глазами только он. Сокурсники меркли на его фоне. Завораживающее лицо его молчало более содержательно, чем самые ум-

ные разговоры приятелей. Шло время, а он не менялся, оставаясь таким же умопомрачительным, как и в первую встречу.

Однажды я забежала в редакционную столовую, время обеда, очередь, думаю, выпью чай с бутербродом, в буфете людей мало. Подхожу к стойке, беру чай, разворачиваюсь с чашкой, утыкаюсь в кого-то, поднимаю глаза и вижу перед собой... лицо из моих счастливых снов, самое красивое из тех, что я когда-либо встречала в жизни и пробирающие до поджилок невероятного цвета глаза.... Это был ты, Джонни.

Кэрол замолчала.

– Несколько кадров есть. Продолжай.

– Я закончила.

– Давай же, говори, говори.

– Ты меня не слушал?

– Ну, Кэрол! Настроение уйдет, не отвлекайся.

Он ее не слушал!!!

– Да пошел ты!

Оттолкнув стул, Кэрол спрыгнула, стул упал. Забрать платки и бежать.

Джонни перехватил её руку, сжал запястье и резко развернул. Свободной рукой взял за подбородок, приподнял. Пронзительный взгляд чистых, холодных глаз и солнце, сквозь упрямые волосы. Кэрол замерла, мурашки по коже, остановка дыхания. И молчание, как во снах.

– Продолжай, Кэрол, не останавливайся, – произнес Джонни, не отпуская ее глаз, – пожалуйста, продолжай...

Джонни наклонился, поднял опрокинутый стул.

– У меня всё.

– Мало. Уверен, тебе есть ещё что рассказать.

Кэрол вернулась на место.

– Что ещё... Тройки в школе ... пересдачи в институте... помню ураган... закончился, последние капли дождя... люди переступали через ветви поваленных деревьев, обходя оборванные провода... следом за мной шел мальчишка... у меня развязался шнурок, я подумала, наступлю на шнурок и растянусь поперек дороги. Остановилась, нагнулась завязать. Он обогнал меня, как вдруг недоваленное дерево закрипело, стало валиться... мальчик попытался отбежать, но, запутался в проводах... и, его убило током вместо меня... да деревом придавило.

Кэрол замолчала. Она смотрела в стену и вновь видела падающее дерево, мальчишку, ток, смерть, дождь.

– Отлично!

– Покажи, что получилось.

– Позже. Ну как, понравилось?

– Нет, не понравилось. Скажи, ты, правда, не слушал меня.

– Кэрол, у меня руки чешутся, так хочется поработать, ва-

ляй домой, а?

Она ждала реакции, любой. Но, только не отсутствие реакции. Джонни её лучший друг. И ближе Кэрол у него никого нет. Из его квартиры можно сделать студию. Джонни не раз говорил, что мечтает о полноценной студии. Они могли бы жить вместе, каждый бы занимался своим делом. Она давно об этом думает.

Компьютер, вкл.

– Вечером позвоню. Пока, Кэрол.

***

Её и раньше отправляли восвояси. Но, сегодня особенно обидно. Джонни не типичный фотограф, шла и думала Кэрол, по клубам не ходит, траву не курит, от алкоголя не зависит. И от Кэрол не зависит. Душу ей вывернул, гад. И никакой реакции.

Надо худеть, сделала вывод Кэрол.

К сексу она равнодушна. Сейчас и всегда была. До полового созревания и после. Считает, повезло. Страшная грозовая туча – смерч половых проблем – чудным образом просвистела мимо её сердца, не задев душу. Она никогда не страдала от неразделённой любви, как и от любви вообще. Слушала вой подруг, безнадежный, предсмертный и острыми иголочками покалывали её кожу мурашки счастья. Миловало. Кэрол не зависит от самого неуправляемого из инстинктов.

Её никогда не подталкивало с крыши, не валило под поезд, не совало в петлю. Только за стол с расстегаями, наваристым борщом, да сибирскими пельменями, чему она рада несказанно и кушает причмокивая.

Кэрол подчиняется инстинктам радости и никогда – беды.

А потом ей приснился сон. Джонни потряс Кэрол своей приворотной красотой. Она любовалась Джонни всё время их дружбы, как любят посетители Русского музея картиной Сурикова «Взятие снежного городка».

Её тянуло к Джонни, но никогда в постель. Джонни – неотъемлемая часть её жизни. Они вместе почти каждый день и все праздники обязательно, но без сексуальной компоненты. Кэрол хочет, чтобы Джонни оставался рядом всегда.

Она любит его по-настоящему! Как только и надо любить. Кэрол впервые рассказала Джонни, как она его любит. Хотела услышать о любви в ответ. И не услышала. Её половое самолюбие задето, оно-то, как ни крути, есть. Более того, у Кэрол есть и человеческое самолюбие и профессиональное. Если сравнить человека с автомобилем, то два эти самолюбия как бензин и солярка.

Человеческое самолюбие – бензин – может вспыхнуть от обычной искры: косога взгляда или кривого слова. Профессиональное – солярка – взрывается от давления, когда «хрен с горы» учит работать или советует как жить. И ещё, очень важно: самолюбие заменяет талант, а в конкуренции с талан-

том почти всегда побеждает. Талант часто ленив, самолюбие – живчик. Талант идет напролом, самолюбие на опережение. Бывает два в одном, тогда имя ему Лев Толстой. В быту, говорили, просто чудовище!

***

Джонни у компьютера. Фотки скачиваются. Джонни ждёт. Его подтрясывает. А вдруг затея про Душу – фигня полная. В мире тысячи отличных фотографов. И каждый мечтает открыть миру мир. Эй, Ньютон, Картье-Брессон, Родченко, Лейбовиц... подвиньтесь. Смотрите: я откидываю занавес-тело и обнажаю Душу. А, если всё-таки фигня...

Двадцать секунд, десять... Всё. Скачались. Лица Кэрол. Много лиц.

Те, что вообще не в тему – в корзину, остальные – в архив, лучшие – в папку. Как ювелир, оценивающий стоимость камня, Джонни растягивает кадр, скрупулёзно рассматривая лицо Кэрол, увеличивает по миллиметру, до кратеров кожи. Джонни ищет обнаженную Душу, а в ответ – стандартный набор эмоций: озабоченность, растерянность, взгляд в себя.

Душа, где ты, какая ты, есть ли ты?

Джонни оттолкнулся, кресло откатилось. Встал, подошел к окну, а там крыши-убийцы. Почему убийцы? Соучастники преступлений, да, но убийцы... Чушь! Кэрол, ты должна мне помочь.

Кэрол!

Вернулся за компьютер, открыл фотешоп. Ткнул любое фото, добавил морщинок глазам, трещинок рту, сгрёб со стола деньги и вышел. Кефира.

Прибранная голова и кружевной воротничок поселились в магазине?

– Могу разбить тысячу по пятьсот.

Старушка засуетилась, открыла портмоне, нервно перебирая содержимое. Увы. Старушка развела руками. Джонни усмехнулся. Старушка виновато хмыкнула. Джонни прошёл в молочный.

***

Как выглядишь ты, Душа, покажись! Ты слабость моя или сила?

Джонни идёт вдоль улицы, пьёт кефир, рассматривает крыши снизу.

Душа есть крыша? Есть крыши плоские, есть скаты на обе стороны. Скаты как крылья. Однажды они взмахнутся и унесут дом в неизвестное. Как коршун, схватив острыми когтями-крючьями мышь, утаскивает её в неведомое никуда. Шизофрения. Или творческий поиск. Или творческий кризис. Факт кризиса подтверждает факт творчества, пусть и во временном тупике. Тупик.

***

Откатив дверцу, Ярославна вбросила руку в шкаф-купе, нащупала тревожный чемоданчик! Небольшой такой, ретро,

в редкой сохранности. Возможно, с таким же чемоданчиком доктор Чехов отправился на Сахалин. Возможно, в таком же чемоданчике доктор Чехов хранил опросные карточки. Раньше тревожный чемоданчик бывал Ярославне часто жизненно необходим. Сегодня она им просто пользуется.

Вытащив чемоданчик, Ярослава опустила его на подоконник. Замочки знакомо щёлкнули, крышка прочь.

Внутрь заглядывает замороженно. Привычная дрожь, предчувствие небылого. Всё, как всегда. Ярослава вытягивает из чемодана змейку – красные чулочки в крупную сеточку. А это (две тесёмочки наперекрест буквой Т) – не подумайте плохого – трусики. Цвет красный. А в эту тесёмочку можно закутаться. Чтобы тесёмочка не спадала и прикрывала острие сосков, на конце тесёмочки есть защелка в форме цветка алого мака.

Сбросив гражданку, Ярослава облачилась в красное.

Ярослава вообще любит ретро. Ее конек – Гурьевская каша, подаётся в резной плошке с деревянной ложкой. Ярославне не чужд и хай-тек – гуакамоле в хромированном салатнике. А её пельмени из трех мяс!

Встала на шпильки, прошла на кухню, остановилась у разделочной доски. Сжала правой рукой тесак-хлеборез. Взмахнула, как в кавалерии, порубила чеснок «в капусту» и даже немного всплакнула. Зеркало не утешило Ярославну, наоборот, испортило и без того неустойчивое настроение, показав

ответную слезу. Пришлось брать себя в руки без посторонней помощи, ведь помощи ждать не от кого.

Переодетая в «ню», Ярославна создает гуакамоле.

Ей предстоит накормить себя. Она та ещё привереда – вдруг не понравится! Ярославна старается, переминаясь со шпильки на шпильку. На шпильках неудобно, но очень хочется, и Ярославна продолжает месить салат в плоске деревянной ложкой.

***

Солнце сегодня печёт с перехлёстом. Похоже, ливанёт. А пока невыносимая духота и голову напекло. Давно так не парило. Нужно остыть, спрятаться, переждать. Солнце загоняет Джонни в подъезд старого кирпичного дома. Дверь нараспашку, но не жарко. Дышать можно. Поднял голову. Лестница вжалась в стену, освободив центр для пустоты. Она карабкается вверх, будто альпинист к горному пику. Или падает, цепляясь пальцами-ступенями за стену-жизнь. Пустота через этаж отсечена рабицей. Гагарин бы здесь взлетел лишь на два пролета. Гулкие шаги глушит кудахтанье скрипучего лифта.

Дверь распахнулась, первой выскочила болонка на поводке, затем юная хозяйка. Болонка, похоже, хотела присесть и рвала поводок. На Джонни собака вообще не обратила внимания, проскочила, чего не скажешь о хозяйке, девчонке лет шестнадцати. Поравнявшись с Джонни, она подняла глази-

щи и приветливо улыбнулась:

– Привет!

– Привет! – ответил Джонни приветливо и тоже улыбнулся.

Девчонка выскочила на улицу и захлопнула подъездную дверь.

Темно. Джонни прислушался. Не только глаз выколи, но и уши. Прислонился к стенке у лифта. Если кто-то войдет, Джонни сделает вид, что заходит в лифт или выходит из лифта или ждет лифт. С собаками же долго не гуляют, как бы собакам не хотелось гулять долго. Джонни закрыл глаза.

Время идет медленно, но проходит быстро.

Писк домофона. В приоткрывшуюся дверь протискивается голова болонки, потом и сама она входит не спеша. Девчонка не видит Джонни, если со света в темноту-то. Дверь захлопывается. Когда не горит лампочка, днём здесь всегда ночь. Болонка лает. Девчонка понимает, в подъезде кто-то есть. Рядом. Совсем близко. Шаги. От страха она вжимается в стену. Она хочет закричать, но голос не слышится, девушка не может издать ни звука, её бьет дрожь. Она уже различает фигуру Джонни. Фигура приближается. Болонка не лает. Чувя беду, прижав уши и согнув задние лапы, собака прячется за хозяйку, липнет к стенке и тихо скулит.

***

Раз набрала, другой. Не отвечает. Возможно Джонни у

Дениса. В кафе музыка и голоса, а телефон на беззвучном, Джонни не слышит. Даже не позвонил, не рассказал про фотосессию, ну, почему так!

Кэрол выключила компьютер. В гардеробе у неё вообще нет белого. Вся одежда в мягких черных тонах и темных. И сиреневых. Есть красный свитер и оранжевые майки, зелёного много и синего. Но белого, который полнит – вообще нет. Порывшись в шкафу, Кэрол выкатила из дома.

***

С Денисом она знакома через Джонни.

Пришла как-то без звонка, а там Дэн. Смутилась, ведь Джонни предупреждал: «Явишься без звонка – не открою!». А она не позвонила. Но, Джонни открыл сразу.

Кэрол не понимает, что может связывать Джонни и Дэна. Интересы не совпадают, интеллект не пересекается. Разница в возрасте – целых семь лет, Денису всего 23. Не в пример самой Кэрол, которая ровесница.

***

До чего же солнце жжёт! До чего же в прохладе кафе хорошо.

Она вошла и осмотрелась. Джонни нет. В прохладе кафе хорошо, но не ей. Джонни не перезванивает. Он и раньше пропадал. Всё, как всегда. Но, в этот раз плохое предчувствие. И нарастающая тревога. И возрастающее напряжение. Саспенс. Классика жанра.

***

Те, кто, как и Кэрол в центре, ещё не знают, что тучи, сговорившись, взяли город в плотное кольцо. На окраинах уже шпарит ливень, кольцо сжимается вопреки смыслу физики. Подминая за районом район, кольцо подбирается к историческому центру, готовясь удушить его голодным удавом. Но, подойдя вплотную к крепостным стенам старого города, грозная петля остановилась набраться сил перед штурмом последнего рубежа. Стихия ждала команды.

И команда грянула: гром, молния, атака!

Револьверные пули-капли и автоматные очереди-струи долбили по крышам, не пробивая, но, и надежды не теряя.

Прикрываясь щитами крыш, город стойко держал оборону. Но, садануло градом, и всё задрожало. Дрожали оконные стёкла и ветви деревьев, сирены автомобильных сигнализаций наводили ужас на воробьев, дрожащих под навесами. И, лишь крыши-инструменты радовались, озвучивая небесную атаку. Невиданным по огромности своей оркестром, они исполняли кантату светопреставления.

***

Пора идти, но куда в такой ливень. Денис предложил повторить кофе, Кэрол попросила воды. Денис принёс воду, сел рядом. Посетители обслужены и терпеливо ждут конца потопа.

– Сколько тебе учиться, Ден?

– Четыре года.

– Поздновато начал.

– Тётка настояла. У меня богатая тётка, бездетная, всё мне завещала.

– Повезло.

– Говорит, после её смерти я деньги профукаю, квартиру промяукаю и останусь у разбитого корыта с кривым коромыслом.

– Она фольклорист?

– Лингвист.

– Славист?

– Специалист по культурологии языка. Хочет, чтобы я получил профессию. Ну, я и пошел на юриста.

– Почему не на языковеда.

– Охренела. Какой из меня языковед.

– А какой из тебя юрист.

– Никакой. Жду, тётка умрет, деньги оставит. Болеет.

Скоро уже.

– Но, в жизни чем-то надо заниматься, Дэн.

– Надо. Сексом.

Дождь закончился вдруг. Но, тишина продержалась недолго.

***

Редакция «Мегаполиса» расположена на девятнадцатом этаже ещё более высокого дома. И сорок лет назад, в год постройки украшением города здание не стало. Сегодня же оно

напоминало солдата, умирающего в медсанбате. Стены облупились, а грязные швы похожи на ржавые бинты, которыми неумелые руки юной санитарки обмотали его смертельные раны.

Внутри здания кипит жизнь. Кто-то называет здание муравейником, кто-то ульем. И пчелы, и муравьи больно щиплются. Бухгалтер – паук. Пауки не щиплются, они противны. У Кэрол вопросы к бухгалтеру, про деньги.

Кэрол пишет в «Мегаполис» колонку под псевдонимом Дана Латягина, дает рекомендации по уходу за домашними животными. Своих животных у Кэрол нет, но есть интернет. Кэрол обходит редакции раз в месяц. Надо напоминать о себе, тусоваться, общаться. Очень удобно, когда несколько редакций в одном здании. На каждом этаже по редакции, а то и по две. Пожарная лестница пропахла сигаретным дымом. Вольно дышится тут лишь фрилансерам. Штатные же сотрудники по соседним этажам шакалят тайно.

А ещё курят на крыше. Крышу охраняет высокий парапет. На него можно облокотиться, смотреть на город и завораживаться, когда лирическое настроение. Или пугаться, если мистическое.

Познакомившись в буфете, Кэрол с Джонни поднялись на крышу с чашками. Очень романтичное место, но грязное, крыша ведь. Кэрол нащупывала точки соприкосновения, чтобы иметь их для дальнейшего соприкосновения.

– Пишу, как паровоз. Везу со всеми остановками: автомобили, туризм, женское здоровье, космос, человеческие истории, мужская одежда. А что снимаешь ты? Чем плохая фотография отличается от хорошей? Что в фотографии главнее: передний план или фон?

Кэрол завалила Джонни вопросами, надеясь попасть в близкие ему темы, на которые он сможет с удовольствием ответить, решив, что разговаривает с человеком, разбирающимся в темах.

– Фон в фотографии должен привлекать, не отвлекая, – глумится Джонни.

– Конечно! – соглашается Кэрол. – Пятая передача в автомобиле не должна отвлекать от шестой.

Чтобы не отвлекала, Кэрол себя не слушает и со всем соглашается.

– Угадай моё самое лучшее качество, Джонни.

– Не напрягаешь.

– Всегда даю в долг. Никогда не отказываю. Ни в чём.

В итоге нашлось много общих тем. На прощанье он пожал ей руку.

***

Быстрый лифт принёс Кэрол на девятнадцатый этаж.

Вышла. Проходя по коридору, взглянула за окно, отметила: тучи вновь сбиваются в стаи. Внимание Кэрол привлекла клякса вдалеке. Она мчится над городом, летающая тарелка.

ка, чёрная, среди бело-серых облаков. Клякса разрастается на глазах, превращается в тучу... Но вот, разворот и клякса-туча уже несётся поперёк потока, её цель – девятнадцатый этаж. Плотная, сконцентрированная, она всё ближе, кажется, её черные глаза впились в Кэрол. Мгновенье и произойдет непоправимое. Ближе, ближе... Зажмуриться, закрыть лицо, отвернуться, но Кэрол остолбенела, ни отпрыгнуть, ни упасть на пол, ни закрыть голову руками. И, в самый последний момент, когда до окна остаются метры, туча взмывает вверх, бледнеет, и, затерявшись в облаках, исчезает. Что это было? Показалось?

– Львовна!

Кэрол редко звали по отчеству, и она не обратила на «Львовну» внимания.

– Иванова!

По фамилии её звали ещё реже.

– Люська!

Ну, Люськой её вообще никто никогда не звал.

– Кэрол, мать твою!

Кэрол обернулась. А это лысеющий Влад Перепёлкин, главный редактор «Мегаполиса». Кричит и облизывается.

– Ты как Пабло Диего Хозе Франциско Тринидад Руиз Пикассо.

– В каком смысле, Влад?

– Не докричишься.

– Идешь обедать.

– Да.

– И бухгалтерия на обеде.

– Да.

– Я с тобой.

***

Что уж врать, иногда Кэрол не хватает редакционной суеты, необязательной дружбы и шепотка на ухо, летучек по утрам и водки до рассвета, обедов в перерыв, сигарет на крыше. Но, гораздо чаще она счастлива, ведь её мечта сбылась. По утрам Кэрол не спешит на работу, она хозяйка своего времени, она хозяйка своей жизни, в которой надо что-то менять.

В редакционном кафе можно встретить всех, оптом. Влад и Кэрол обсуждают тему «опта».

– Профи на заправке, – говорит Кэрол.

– Парад неликвида, – кривит лицо Влад, – Журналисты бездарные, редакторы безграмотные, фотографы криворукие.

– А Джонни?

– Джонни не в штате, как и ты. Хорошо устроились. Завидую.

Кэрол разведала: «Мегаполис» планирует выставить репортаж Джонни на фотоконкурс World Press Photo. А если Джонни победит, «Мегаполис» предложит ему персональную фотовыставку. Вот так новости!

Разведала – это условно, Влад сам всё выложил.

– Только, Джонни ни слова. Сюрприз.

– Честное пионерское!

Где же Джонни, скорее найти и обрадовать! Содержимое с подноса летит в рот вне очередности. Да, и бухгалтер уже чай допивает. Дав ему уйти, Кэрол мчится вслед на девятнадцатый этаж. Выскакивает из лифта и всей массой своей ударяется в чью-то грудь! Поднимает голову. И обжигает её взгляд чистых, холодных глаз...

– Я за тобой. Мне сказали, ты в столовой.

– Джонни, у меня сумасшедшие новости.

– Мои лучше! Кэрол, ты не представляешь, какую девчонку я встретил!

– Что???

– Кэрол, не поверишь, я её снял!

– Девчонку?

– Душу! Я снял её Душу. У меня ПЛУЧИЛОСЬ! Кэрол!!!

Я поймал её!!!

Джонни стиснул Кэрол в объятьях. И тут же ожил его мобильник.

– Она! Сейчас отвечу, быстро. Привет Черепашка! Конечно, увидимся. Сегодня. Чуть позже. Я перезвоню.

Кэрол резанула его улыбка.

– Представь, ей всего шестнадцать, но какой взгляд, какие глазищи, какое лицо! Я и собаку её снял. Собаки тоже жители мегаполиса. А у собаки какой взгляд, такие глазищи! Осталось найти собачью Душу. Тоже неплохая идея Души животных. Поехали ко мне, покажу фотки. Поехали, поехали!

Счастливый, красивый, свободный. Джонни рассказывает Кэрол о фотосессии шестнадцатилетней пираньи по имени Лиза. Случайное знакомство. Джонни добился своей цели. Он поймал Душу! Он увидел её, Душу Лизы и успел зафиксировать. И никто теперь не собьет Джонни с пути. Кэрол должна срочно оценить драгоценный снимок.

– А мои фото. Мою Душу ты не разглядел?

– Над твоими снимками надо работать.

– Да, ладно уж. Говори как есть.

– Я и говорю как есть.

Они идут рядом, только Джонни быстрее, Кэрол догоняет. Мешают взгляды прохожих. Тех, кто проходит мимо, не обращая на Джонни внимания, Кэрол презирает. Тех, кто фиксирует на Джонни взгляд, она ненавидит.

– Продолжаешь охоту?

– Да, конечно.

– Кто следующий?

– Дэн. Ты не представляешь, как я вчера был счастлив.

- Не отвечал на мои звонки, потому что был счастлив?
  - Интересная постановка вопроса.
  - Из-за этой девчонки?
  - Да.
  - А со мной ты не счастлив?
  - Я же сказал, над твоими фото надо работать.
- ***

По чесноку, снимки удались. Особенно тот, на котором Джонни увидел Душу. И Кэрол увидела Душу. И поняла, что ищет Джонни. А ещё она поняла, что такое Душа.

Душа – это линия жизни, которая считывается одним взглядом. Всего-навсего. Простой поворот головы. Похоже, Джонни окликнул её. Она обернулась. И он её снял. Или она его.

- У вас что-то было?
- Выражайся яснее.
- Куда уж яснее...

Душа Лизы глядит на Кэрол вызывающе.

Линия жизни пронзает девушку, рассекая лицо наискось. Серые глаза умоляют о заклинании. Розовая кожа, это пространство перламутра – бонус. Чуть впалые щеки обещают долгую молодость. И выброс желаний! Такие сносят города и строят их заново. Такие добиваются цели вопреки. Лизу нельзя остановить, ее можно убить, если нельзя отпустить. Лиза победит в каждом бою. Её пехота – юность, её конни-

ца – гормональный раж. Всё остальное – Душа. И, Джонни сражён.

Но, если без неприязни, Джонни отличный фотограф. Просто великолепный. И чем навороченнее будет его студия, тем круче окажутся его работы. Не надо быть экспертом, чтобы видеть, каким талантом его одарил Бог!

– Она тебе понравилось?

– Она, фотография, понравилась.

– Спасибо.

– Пожалуйста, Джонни, найди Душу и у меня. Поищи, а?

А эта Лиза опытная самка, делает вывод Кэрол. Пометила территорию с запасом. Кэрол оглядывается и с каждым поворотом головы ненавидит Лизу всё больше. Лиза разглядывает Кэрол с экрана монитора. Лиза распечатана в формате А4 и разложена на столах, в комнате и на кухне. Она везде. Она третья. Она лишняя. Или Кэрол лишняя. Настроения осталось лишь на цыганочку с выходом:

– Ну, всё. Я пошла.

***

Фотосессия с Кэрол разочаровала. Нет, для «Лиц мегаполиса» сойдет, но для «Души мегаполиса» слабо. Эмоций у Кэрол много, но Душа выражается не эмоцией, не воспоминанием о переживании, а лицом!

Теперь Джонни знает это наверняка. Ну, что могла пережить в шестнадцать лет Лиза с собачкой, девочка из обыч-

ной семьи. Она и не влюблялась ещё по-настоящему. Крышу не сносило, родных не хоронила, собак не теряла. Тряпочка. Джонни снимал Лизу слева, справа и задавал вопросы. Рассказать-то ей нечего. Зашёл сзади, спросил, как она поступит, если болонка потеряется...

А дальше произошло вот что: Лиза стала оборачиваться.

Она оборачивается, словно в замедленно съёмке.

Его палец давит на спусковую кнопку.

Лиза оборачивается... Палец давит.

Джонни смотрит в её лицо, но...

... лица у Лизы нет. Есть другое.

И Джонни понимает, это другое – Душа: решительная и невинная, рациональная и беззащитная. Всего-то меньше мгновенья, отблеск. Палец сработал прежде, чем вернулось лицо. Джонни очнулся от щелчка.

– Обойду весь город, весь земной шар и найду Капу. Она без меня пропадет. Все просто.

Скорее закончить съёмку и скачать снимки!

А если Душа померещилась.

Несколько фотосессий впустую. Есть удачные снимки, много удачных. Лица, лица, фото, фото, улыбки, ухмылки, не то. И вдруг – Лиза. Джонни ухватил свет-тень, мелькнувшие в подъезде. Волнение, которое не охватывало Джонни ранее. Комок в горле. Он ждал её у лифта, боясь потрево-

жить темноту. Что бы Джонни ждал, да ещё мурашки по спине, да ещё ноги ватные. Такого с ним не случилось никогда. Такое впервые. А если она не вернется, приезжала в гости, уехала.

Но, она вернулась.

***

Фотографии тяжелые, скачиваются не мгновенно. Он давно ничего не боится. Страх Джонни потерял однажды и навсегда. Джонни просто стоит перед компьютером и ждёт. Если фиксация Души бред его воображения, то «Лица мегаполиса» Джонни больше не интересны, он откажется от репортажа.

Скачались. Джонни открывает ту самую. И ему становится не по себе.

С экрана монитора на Джонни смотрит Душа!

И Джонни понимает: отныне ему подвластно всё!

Гордыня? Отнюдь. Констатация!

Он круче, сильнее, гениальнее всех ныне живущих. Он снес границы жанра. Он вышел за флажки и полетел. Когда вырываешься за флажки– взлетаешь всегда.

***

Джонни водит пальцами по лицу Лизы, обводит контуры губ, овал подбородка. Ему вновь шестнадцать. Он снова верит в чудеса. Сейчас откроется дверь, в комнату войдёт мама, молодая, волшебная, войдёт и скажет:

– Ты у меня самый красивый парень на свете! И самый-самый талантливый.

Она всегда говорила:

– Ровняйся только на себя, Джонни. Не сомневайся в себе. Никогда. Знай, ты – лучший.

И ещё:

– Чтобы не случилось, не отчаивайся. И, никогда не раскаивайся в своих поступках. Все что ты делаешь – правильно! Главное, найти свой путь. А верить – только в себя. Я очень, очень тебя люблю.

– Посмотри мне в глаза.

– Смотрю, мама.

– Какая же я счастливая.

***

Джонни отошел от компьютера. Привычный вид из окна. Непривычно смотреть за окно и ничего не видеть. Собрался, сконцентрировал взгляд. Джонни видит здания. А крыш нет! Открытые коробки напоминают растревоженный муравейник. Джонни с интересом рассматривает жизнь, ещё вчера от него скрытую.

Но, вот и стены становятся прозрачными, исчезают.

– Когда увидимся, когда фотосессия.

– Приходи сейчас, можешь.

– Ок. Чем занят?

– Представь, смотрю в окно, а с домов исчезли крыши. И стены стали прозрачными. Не поверишь, рабочий день, но внутри полно людей.

– А говорил, травку не куришь. Приду, покурим вместе.

– Да, шучу я, Дэн, шучу. Все на месте, крыши, стены.

***

Мысль материальна. Но, не у всех. У Дэна, например, она материальна. Чем он заслужил такую благодать – смерть тётки. Никто не верил, но лентяй схоронил. Теперь Дэн живет среди красивых вещей. Долго ли проживет, красота не его конек. Вещи и украшения продаст.

– Уволюсь. Буду приезжать, – сообщает Дэн.

Джонни занят, он выставляет свет и настраивает камеру.

– Сиди спокойно.

– Поехали ко мне. Посмотришь, как богатые люди живут.

Останешься.

– Сиди же спокойно!

Ну, можно начинать. Всё готово. Дэн задумался. Он должен говорить. Потребности выговориться нет, и никогда не было. Но, не отказывать же Джонни. Дэн соврал, что хочет выговориться. Смотрит в пол, лихорадочно ищет тему. Изображает переживание. Молчит. Джонни ждет. Дэн думает. От дум голова Дэна превращается в полый горшок. А говорить надо. О чём... О тётке.

– Накормит, а денег не даст. Тётка замуж за богатого вышла, давно ещё. Связь с родными оборвала, только меня принимала. Своих детей не завела. Специалист по культурологии языка. У меня всё.

– Ты чего-нибудь боишься?

– Ну... боялся тётка не умрёт.

– Я серьёзно.

– И я серьёзно.

– О чём мечтаешь.

– О сексе.

– Ты обещал рассказать страшную историю из своей жизни.

– Обманул. Ты же вечно занят. Мы редко видимся, а хочется.

– Вообще ничего не расскажешь?

– Нет, – виновато выдохнул Денис.

Ну, как тут обижаться. Джонни выключил аппарат и погасил лампы...

***

... Джонни вновь включил осветительные приборы, потянулся к камере.

– Ну, в чем дело..., – ноет Дэн

– Закинь руки за голову. Вопрос-ответ. Ты одинок?

– А ты. Можно опустить руки?

– Нет.

Джонни спрашивает и снимает, снимает и спрашивает. С

руками за головой Дэн напоминает забитую мышь. Мышь жалкая-жалкая. Но, похоже, съемка в тему. Души бывают большие как океаны и маленькие, как плевочки.

– Всё, – Джонни отложил аппарат и вновь погасил свет.

А потом рассматривал фото и чесал затылок. Черт побери, он и Душу Дэна поймал!!! Если так дальше пойдет...

– Кэрол, приезжай!

***

Они сидят рядом, он показывает фото. Пока Души всего две. Кэрол среди них нет. Ну, нет и нет. Но, есть Лиза.

Кэрол знает, Лиза теперь частая гостья у Джонни. Уже и журналы не вразброс, а стопочкой и в мойке пусто, грязная посуда чистая и на местах. И запах, гадкий запах дорогих духов в ванной. Он подарил? Джонни пошел на кухню ставить чайник. Кэрол подскочила к дивану, схватила подушку и уткнулась в неё носом. В одну, в другую. А чайник в комнате и Джонни вернулся.

– Ты что делаешь?

– Твои Души меня душат.

– А как будто сморкаешься.

Кэрол делает вид, что ничего не замечает.

А Джонни ничего не рассказывает.

***

Не пишется. Вообще. Джонни ускользает.

Он всё чаще занят. Они всё реже вместе.

Кэрол кажется, будто она в аэропорту и её сдают в багаж, крутят, обматывают плёнкой. Обмотало ноги, поднялось выше, сковало руки, изолирует голову. Уже ничего не слышно. Глухо. И не видно. Слепо. И дико. Дико одиноко! Кэрол не понимает, как вести себя с Джонни. Он же не обещал, что никогда не влюбится. А он влюбился, Кэрол не обманешь. Чутьё женщины не обманешь ни за что. Даже такой, как Кэрол. Так всегда: чуть что, друзей в сторону. Кэрол не хочет в сторону. Рядом с Джонни тепло, рядом с Джонни жизнь наполняет смысл. Кэрол не может потерять его, сказку своих снов. Сейчас они вместе перед компьютером, ей передается его волнение.

Таким красивым она не видела его даже во сне.

Худеть, худеть... С это мыслью она каждый вечер засыпала, а утром просыпалась, садилась за стол. За компьютерный стол. Ставила кофе, бутерброды и, давай наяривать, деньги зарабатывать. Самая любимая рубрика в журнале «Невыдуманные истории».

Раз в месяц Кэрол сдает невыдуманную человеческую историю. Невыдуманные истории Кэрол выдумывает. Выглядят они правдоподобнее, чем истории читателей, те, что засоряют слив её электронной почты. Рассказы читателей о приключениях в лабиринте жизни выглядят бледнее историй Кэрол.

Но, ситуация перевернулась.

Она напишет бестселлер!

По бестселлеру снимут блокбастер.

Кэрол разбогатеет как Донцова. Или Стивен Кинг. И купит для Джонни студию. Но, с одним условием: Лизу на мыло! Или мечта, или Лиза.

Выбирай, Джонни.

Кэрол отломила горбушку, колбаса сверху, зубы вглубь, мотнула головой, сглотнула и – по клавишам. Она впервые напишет настоящую невыдуманную историю. С продолжением, которое последует. Начали!

«Решив сократить путь, Люся шагнула на территорию заброшенной стройки. В детстве она часто играла здесь с подружками в салки, скалки и смекалки – интеллектуальную игру девочек-подростков на куче битого кирпича. Люся шла быстро. Солнце садилось за спиной, тень двигалась впереди, указывая путь, обгоняя тело. Во время детских игр тень отставала. Игры по утрам, а не поздним вечером, как сейчас.

Люся посмотрела в небо, а там разворачивается необъявленная война. Луна беспардонно сталкивает солнце за горизонт, отвоевывая роль единовластной хозяйки небосклона. Пожилое солнце аж побагровело от потуги, но, оно бессильно перед молодой и полной сил воинствующей луной. Тень от Люси удлинялась на глазах. Стройная тень танцовщицы.

Да, сегодня она сильно задержалась в балетном классе. Мама наверняка сходит с ума. Люся ускорила шаг, как вдруг заметила: ее тень начала раздваиваться. Не надо быть и трех пядей во лбу, чтобы понять, отчего иногда раздваиваются тени. Липкий пот брызнул из всех потовых желез юной танцовщицы разом. Дьявольщина! Люся обернулась резко, испугано, богобоязненно.

И в этот самый момент солнце свалилось в преисподнюю. И ужас округлил ее глаза».

Кэрол доглотила бутерброд и, отхлебнув, продолжила:

«Его силуэт заслонил полнолуние. Люсю пронзили холодные глаза-лазеры человека-волка. Молодой, голодный взгляд гипнотизировал Люсю, пробирая до кончиков оснований. Она отскочила, прижавшись дрожащей спиной к шершавой кирпичной кладке. Он вдвинулся вплотную. Его пальцы приподняли её подбородок, подтянули. Подчиняясь чужой воле, Люся подалась вперед.

Его убойная красота лишает её дара предвидения, очевидного в такой ситуации, и она перестает понимать: что будет дальше и кто её мать».

Нет, рассказать правдиво у Кэрол не получается. Хотела написать, как это было на самом деле во сне, а получается художественно. Джонни-то она рассказала правду, но – и так у неё всегда, даже для журнала «За рулем» – стоит сесть за

компьютер, пальцы сами начинают лгать.

***

Душа есть суть. Суть человека, животного, растения, предмета, явления... Джонни не до лифта, он сбегает по лестнице. Он уже на улице. Солнце сбоку и не бьет в глаза. Всё замерло. И ветер замер. Даже дорогу перекрыло, чтобы без машин. Джонни сконцентрирован, собран, быстр. Его ничто не отвлекает. Его сейчас ничего не должно отвлекать. Его и не может ничего отвлечь. Он почти летит. Джонни сейчас везде. Как воздух, который тоже везде. И всё принадлежит ему: крыши, и дома под ними, земля и деревья сверху, всё вокруг, он слышит их условные голоса, они хотят выговориться, они ждали союза с Джонни.

И союз открыт.

Джонни получил допуск.

Он выбран знать, фиксировать, предъявлять.

На улице ни души. Как непривычно и как хорошо.

Накрывает знакомая дрожь, как тогда на крыше.

Джонни знает, если он разбежится и поднимет руки, он взлетит.

Здания и даже бордюрный камень меняют очертания, деревья теряют привычные пропорции, обретая формы совершенства.

Джонни видит: мир вокруг превращается в абсолют, каким и должен быть. Джонни смотрит по сторонам, ему не насмотреться, он вращает головой, напоминая обалдевший

флюгер.

И пятым чувством знает – здесь все принадлежит Ему!

Но, Как Ему Здесь Хорошо! Он В Своем Мире! Его Мечта Сбылась!

Джонни часто здесь ходит. Здание и здание. Если судить по типовой двери матового стекла – офис. Его втягивает внутрь. Он толкает дверь и попадает в просторный холл, и дальше – в зал круглой формы. Людей нет.

Он в Пространстве истины.

Он смотрит вверх. И ему открываются смыслы.

Джонни ловит себя на понимании: он знает всё обо всем.

Он удивлен открывшемуся знанию: как же просто устроен мир! Решения самых сложных проблем – на ладони. Жизнь логична как таблица умножения. Загадки прошлого, настоящего, будущего. Какие загадки, люди, очнитесь! Рак, СПИД, левитация, телепортация, в чем проблема?

Джонни сейчас как ребёнок в цирке, который разгадал все фокусы.

Ну, почему он не понимал таких очевидностей раньше!

Боже, как ему комфортно в пространстве конечной гармонии.

Джонни вновь на улице. Он уже другой, а здесь все как раньше: тротуары в прохожих, двери туда-сюда. Пронеслась машина, да по луже, окатила водой, Джонни отпрыгнул, на-

летел на женщину. Толкнул не сильно, но мата получил, будто пытался её зарезать, она чудом выжила и теперь злая на него. Она матом, а он улыбается. А матом потому, что она однолюб, а её предали.

Теперь уж Джонни раскроет людям глаза. Ведь он знает про них все.

Мир совершенен, а мы – подобие мира, только не задумываемся об этом.

***

Удачливые – те, кто в выигрыше всегда. Люди, в массе своей неудачливы. Они проигрывают даже в беспроигрышные лотереи. Удачники и неудачники ходят по одним улицам, пьют на брудершафт, но их сущности на разных орбитах.

Здороваясь за руку, они не соприкасаются никогда.

Переход с одной орбиты на другую не в их власти.

Джонни думал о себе так: он не неудачник и не везунчик. Твердая середина.

Скорее всего он выбран потому, что не отягощён притяжением, его ничего не связывает с прошлым и ничто не утягивает назад.

***

Прошлого для Джонни нет.

Все, что вчера – было не с ним. Вчерашний день стоит одного: забвения. Джонни живет настоящим и будущим. Он

дал слово, что вчерашнего дня в его жизни не будет никогда!

И её, свою маму, он не будет вспоминать никогда.

Она требовала клятвы: «Я никогда не буду вспоминать тебя, мама».

Джонни отказывался.

Она закричала на него, первый раз в жизни.

И Джонни разревелся, впервые в жизни.

– Джонник, любимый мой! Запомни, позади нет ничего. И никого. Позади лишь наше воображение. Забудь то, что было вчера. Не вспоминай вчерашний день никогда. Ты – владелец одной единственной жизни. Жизнь эта здесь, сейчас, в данный момент и завтра. Но, только не вчера. Джонни! Я кому сказала!! Утри же свои сопли!!!

Слезы затекают в рот. Ему стыдно перед мамой, но слезы текут сами, будто назло, и не останавливаются.

– Прекрати!!! Смотри на меня! Успокойся... Ну... Слушай, а тебе идет, когда глаза мокрые. Каменное сердце растопишь, хитрюша.

Джонни хмыкнул, принялся слезы вытирать, но лишь размазал.

– Успокоился? Ну, и славно. А теперь повторяй за мной: Я никогда не буду вспоминать тебя, мама.

– Я никогда...

– Короче паузу, Джонни! Сначала. Начал.

– Я никогда... не буду... вспоминать тебя ... мама...

– Смог же. Это надо отметить. Наливай.

И новая волна. Лицо в ладони, локти в стол. Слезы стекают по запястьям, оставляя блестящие полосы. Глотая слезы, он выдыхает:

– Что ты со мной... делаешь, мама! Зачем тебе это.

– Не выбешивай меня! Утрись же!!! Ну, ты и плакса, Джонник.

Она подошла сзади, погладила вздрагивающие плечи сына, поцеловала их.

***

Джонни даже дернулся, услышав за спиной, ну, от неожиданности:

– Пятьсот по сто не разменяете?

О, воротничок! Наваждение, опять она. Хотя... У воротничка наверняка есть Душа, а Джонни теперь специалист по выковыриванию Душ из тел. Даже из такого сморщенного можно попробовать.

– Не против, если я вас сниму.

– В каком смысле.

– Для журнала. Я фотограф. Приходите на съемки.

– Куда.

– Ко мне домой.

– А удобно.

– Приходите, заодно пятьсот по сто разменяю.

Старуха застигнута врасплох. Но, как материальна её мысль! Стоило отметить парня, мысль взяла быка за рога и материализовалась, познакомила. Мало того. Мысль вошла во вкус и стала материализовывать желания невысказанные: парень пригласил её в свой дом. Пригласил поучаствовать в фотосессии, покоровшись её лицом, не иначе. Он ведь первую встречную не пригласил. А первых встречных первой молодости навстречу пруд пруди. Она же молодости не первой. Какова интрига! Та ещё интрига, с сюрпризиком.

Воротничок, естественно, согласилась. Для экстренного выхода у неё припасены чистые кружева. И серебряная заколка в голову. Та, в которой её прабабка щеголяла на балах в Наркомпросе.

Элегантным движением пригладила идеально уложенные волосы, пожала протянутую руку.

– Джонни? – Какое учтивое рукопожатие, сильное, но щадящее. А каковы нездешние глаза! Оно и понятно, Джонни, иностранные корни. – А я Татьяна. Просто и по-русски. Но, все зовут меня по отчеству.

– Как называть вас мне.

– По отчеству.

– И как?

– Ярославна.

***

Джонни собирает Души как Чичиков. Но, Джонни не Чичиков, его Души живы. Даже слишком. То одна позвонит, то другая, ждут журнальный разворот. Лиза приходит без звонка телефонного. Джонни узнает её по звонку дверному. Лиза с порога бросается Джонни за шею, прикусывает его губу своими, поднимает ноги и висит. Она легкая, такая пушинка отчаянная. Лиза опускает ноги и утягивает Джонни в комнату. Она говорит о своих желаниях, она ведь уже взрослая.

– Ты ещё маленькая.

– Но, у меня есть паспорт!

– Когда исполнится восемнадцать...

– И ты будешь спать со старухой?

– С такой, как ты – буду.

– Ну, Джонни!

Лиза поглощает чипсы с паприкой. Капа обожает чипсы с уткой. Джонни поясняет: если Черепашка не откажется от чипсов, к сорока годам превратиться в Бегемотика. От цифры сорок, Лиза заливается хохотом, а Капа лает. Черепашка упряма как слоненок, хочет, чтоб Джонни и её научил ловить Души.

***

Вода везде найдет дырочку. Слухи тоже.

Главный редактор «Мегаполиса» лысеющий Влад Перепёлкин стал улавливать слухи. Кто-то пронюхал, что Джонни готовит для «Мегаполиса» репортаж нереальной силищи. И

что Джонни пророчат победу в фотоконкурсе.

Влад успешный рекламный агент в прошлом. Работает языком, как Д Артаньян шпагой. Рвется в бой с противником. Разведёт самого противного. Распотрошит любой бюджет. Таранище невиданной силы, вот кто такой Влад.

Талант рекламного агента – дар редкий. Как и любой дар.

В настоящем рекламщике должны присутствовать нравственность и её отсутствие. Совет Станиславского про жизнь в предлагаемых обстоятельствах более важен человеку, продающему рекламу, чем актёру. Хорошему актёру помощь не нужна, плохого актёра Станиславский не вытянет.

Продавец же рекламы без Станиславского, что конь стреноженный.

Ему, как никакому актеру нужна вера в то, чего нет.

Плохому актёру много систем в помощь: Брехт, Брук, Стрелер. У рекламного же агента один Станиславский в кукише. Если бы рекламным агентам, как артистам, давали звания, Перепелкин бы получил звание народного рекламщика России.

Разумеется, Влада руководство отмечало. И поднимало. Всё выше и выше и выше стремил полёт его, птицы. Путь от уличного раздолбая до руководителя рекламного отдела оказался самым долгим – восемь лет. Дальше понеслось. Отсидев чуть на табурете руководителя рекламного отдела, пересел на стул заместителя главного редактора по маркетингу, откуда и перебрался в кресло главного редактора «Мега-

полиса». «Это начало, для взлета», – бросил мимоходом хозяин издательского Дома, подписывая назначение. Уже лечу, подумал Влад.

Перепелкин с ходу принялся укреплять позиции, подтягивать лучших.

И сделал Джонни предложение, от которого тот не смог отказаться: фоторепортаж «Лица мегаполиса». Нашел для Джонни внебюджетное финансирование. Джонни засиял от удивления, когда Влад озвучил гонорар.

Надо выяснить, кто проболтался про фоторепортаж. Ну, если сам Джонни! Или его лучшая подруга Кэрол. Позвонил, но Джонни оборвал Влада, сказал «занят» и положил трубку.

Воспользовавшись звонком, Лиза попыталась расстегнуть ремень на джинсах Джонни. Она смотрела на Джонни в упор и хитренько улыбалась.

Джонни сбросил звонок и перехватил её руку.

– Хочешь, чтобы меня посадили за соращение малолетней?

– Если тебя посадят, я повешусь.

– Спасибо.

– Только никто не узнает. Мы же никому не скажем.

Джонни оттянул руку Лизы от ремня, поднес к своему лицу и поцеловал.

– Всему своё время, Черепашка. Не обижайся.

Лиза вздохнула, свернувшись кошкой у Джонни на коленях, просунула руки под его майку, обвила спину, прижалась головой к его груди.

– Хорошо. Буду ждать.

– Лиза, я старше тебя.

– Комплексуешь?

– У меня вообще нет комплексов. Или я о них не знаю.

Лиза отразила выпад нападением:

– Запомни: это ты ещё маленький. Видите ли, он со мной не спит, потому что его посадят. Это меня посадят за совращение тебя, малолетки! Понял?

Руки Лизы выскользнули из-под майки, поползли вверх и сплелись вокруг его шеи морским узлом практически.

***

Влюбленная Лиза отличается от невлюбленной особой прилежностью.

– Хочешь получить две золотые медали?

Родители считают, дочь и без медалей хороша. Но, не настаивают. Лиза мечтает стать грумером. Беспроблемная девочка. Одиннадцатый год взрослеет за учебниками. Математика – 5. Физика – 5. Литература – 5. Английский – 5. Зачем грумеру столько раз по 5. С таким аттестатом могла бы на авиаконструктора пойти или на архитектора.

– Лишь бы в девах не засиделась, – вздыхает мама вслух, но тихо, что бы слышал только папа.

Лиза что ни час за учебниками. Даже летом. Готовится к

сентябрю. Или с Капой, во дворе гуляет. Дочь влюбилась, а родители не замечают. У других бы ещё один глаз открылся, родительское чутье возобладало, а эти не секут.

– Мам, пап, я в кино, буду поздно, не волнуйтесь.

– А как же основы экономики, правоведение...

Родители напоминают Лизе, что помнят про свой долг: родил – выучи, но, Лиза себе на уме, убежала. На этот раз и правда, в кино с подружками.

***

Ярославна не поинтересовалась, в какую фотосессию приглашена. Вдруг, Джонни предложит раздеться. Не поинтересовалась, испугавшись, что вдруг не предложит. Если тема геронтофилическая, Ярославна откажется сразу.

Если «ню», она «за».

Бледность кожи освежила румянами.

На случай, если он будет освежевать её одежду, надраила кремами тело.

Самая элегантная ее сумочка от Луи Виттона. Очень вместительная. Ярославна давно не выходила в свет. Свет коварен. Ярославна по своему лицу знает, в возрасте свет не друг, враг. От света можно ожидать любой подлости. А потому: губная помада, румяна, антистатик, салфетки... Ярославна ходит по дому, набирает женские необходимости и нервничает как институтка.

Ну, всё!

Она готова к поединку с молодостью.

Пошла побеждать.

Душа Ярославны трепещет. Тело дрожит. Пальцы рук наигрывают «Хорошо темперированный клавир» в неведомом Баху темпе и без клавесина. На исполнение двенадцати прелюдий и одной фуги уходит минуты три. Только бы не Паркинсон, молится Ярославно, ведь жизнь её только начинается. У Ярославны ни подружек настоящих, ни родственников стоящих. Джонни она заслужила, решила Ярославно. Они станут друзьями. Она станет его частой гостьей, живут-то в одном дворе. И Джонни начнёт к ней заходить. Ярославно помнит толк в любви и знает толк в крепленых винах.

– Ла-ла-лай-ла, – успокаивала себя Ярославно, набирая код его подъезда и напевая. Ей сейчас двадцать пять, если не смотреться в зеркало.

А вдруг Джонни женат. Эту мысль Ярославно не рассматривает, ведь тогда раздеваться наверняка не предложат. Но, мысль атакует, и Ярославно вынуждена держать оборону. Такой красавчик не может быть женат, есть же справедливость на свете, у кнопки лифта думает она все-таки. Двери разъезжаются от нервного касания старческого пальца. Лифт приглашает Ярославну в себя.

На пути Ярославны ещё одно препятствие – кнопка дверного звонка.

Страшно. Трепетно. Страшно трепетно.

Если Джонни женат, то на уродице. Закон жизни. Муж красавец, жена урод. Или наоборот. Ну, я-то не красавица, вспоминает Ярославна в кассу, всё сходится. И она давит на кнопку.

А!!!! Палец отскакивает как ужаленный. Или ошпаренный.

Платье прилипло к дряблым ягодицам, выставив напоказ все её непрелести. Скорее. Скорей! Пока не слышно шагов за дверь, Ярославна срывает навесной луивиттоновский замок, выхватывает из сумочной пасти антистатик, прыжком расставляет ноги, задирает юбку и распыляет там из баллончика.

Запах ранней весны вырывается из-под юбки на лестничную клетку.

А именно – запах первых ландышей, нежных и ароматных колоколец.

Дверь распахивается неожиданно. На пороге Джонни.

Перед порогом Ярославна в раскоряку. Смущена лишь мгновенье. Неспешно высвобождает руку из-под низа и представляет аэрозоль:

– Настоящую женщину, Джонни вы всегда определите по этому пузырьку. Помните, как в рекламе: «Носи антистатик,

если ты романтик». Вот я и ношу. Я же романтик!

Ярославна придумала эту глупость в момент. Острый ум помог. Как она выкрутилась про рекламу, а? Вот у кого надо учиться – у Ярославны.

– Ландыш, – Джонни крутит баллончик, читает вслух. – Освежитель воздуха для туалета. Нейтрализует неприятные запахи.

Черт!!! Сослепу флаконы перепутала!

Но, и Джонни хорош. Нет, перевести тему, а он будто смеётся над старой:

– Запахи нейтрализованы. Вы готовы?

– Да, – красная рак-Ярославна смотрит в пол, упуская время для смотрения в лицо Джонни и любования им.

– Тогда, проходите.

Ярославна заходит в квартиру, осматривается. Запах ландыша следует за ней ручным пингвином. Квартира проникается туалетным ветерком. Ландышем теперь дует из каждого угла, будто в каждом углу напугали и задрапировали ароматом весны.

Вот диван, единственное место в квартире, которое может быть спальным.

– Вы спите здесь, Джонни?

– Да.

– Ну-ну...

А это шкаф. Наверное, тут вся его одежда. Не густо, в такой шкаф много не напихаешь, решает Ярославна, но не уточняет. А Джонни будто считывает её мысли и отвечает сам:

– У меня мало одежды. Ношу сезон, выкидываю, покупаю новую.

Чай готов. Дома Ярославна пьёт чай с кусковым сахаром, вприкуску. Но у Джонни пользуется сахар-песок. Чтобы не напоминало пьесу Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын», а то Джонни высчитает, сколько ей лет на самом деле.

Чем вы можете быть полезна? Откровенностью. Я буду подбрасывать темы, а вы развивайте их, размышляйте, сама с собой. Меня здесь нет. Расскажите, что вас мучает, не дает покоя, преследует ночными кошмарами.

Ярославна садится куда велят:

– Начать с бомбежки Киева или сразу с послевоенного года.

– Начните со своих страхов, фобий.

– Ну, с хобби, так с хобби.

– Ни с хобби, а с фобий.

– Ну, с фобий, так с фобий.

Чтобы не провоцировать расчеты, Ярославна не привязывает рассказы к датам. Сбивает Джонни со следа, мешая столетия, как краплёные карты.

Ее первая история о рождении первой фобии.

– Пятый класс. Пишем диктант о Сталине. «Иосиф Виссарионович пробирался из Туруханской ссылки по тайге». В слове «пробирался» я пропустила букву «р». Получилось – «побирался». Что они устроили! Вывели перед всей школой, сорвали пионерский галстук, назвали троцкисткой, и я упала в обморок. Думала, расстреляют. Образовалась фобия. С тех пор боюсь выстрелов. Даже холостых.

Передергивает карты. Переброс темы:

– Я знаете ли вы, Джонни, какого современной женщине на шпильках? Гуляю вчера вечером по центру и боюсь, шпилька застрянет в стыке тротуарной плитки. Можно так навернуться, костей не досчитаешь. Фобия на щели! Что ваши подружки говорят о новом уличном покрытии?

– Ничего не говорят, они в кроссовках ходят.

– Я тоже ношу кроссовки. Но, на свидания бегаю на шпильках. Походка от бедра – сила женщины, вам ли не знать, Джонни.

Несет околесицу. Жаль. Долго живущий человек, волей-неволей пережил многое. Старуха неинтересна. Джонни сам виноват, должен вытащить на свет её Душу, но как. И Джонни нестерпимо захотелось увидеть Лизу, сейчас, здесь,

рядом, почувствовать молодое тепло ее воздушных рук. Видеть ее искрящиеся глазищи. Спокойно! Старуха – это работа.

– Вам когда-либо ставили ошибочный диагноз, Ярославна.

Воротничок задумалась. Пошла линия. Одна морщинка, другая. Хорошо!

– Просьба. Снимите воротничок.

– Сейчас отстегну.

Ярославна закидывает руку на спину, но не может нащупать пуговичку. Джонни обошел тело, справился с пуговицей, вернулся вперед. И передние она не может отстегнуть. Для удобства Джонни опустился перед Ярославной на колени, протянул к воротничку руки. Одна пуговица, другая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.